

Ирина Кукушкина

ЗИМА И НЕЗИМА

16+

Ирина Кукушкина

Зима и незима

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Кукушкина И. А.

Зима и незима / И. А. Кукушкина — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Эта книга для тех, кто знает, что такое север, бесконечная зима и мучительное ожидание дорогого человека. Эта книга о женщинах, посвятивших свою жизнь людям героической профессии – морякам подводного флота России. Эта книга о ненависти, любви, предательстве и верности. Север не принимает слабых, а сильным он помогает. Если любовь и дружба прошли испытание Севером, то уже ничто не сможет их разрушить. Случайная встреча меняет жизнь молодых людей. Зависть, злоба и желание мести разрушительны, но смогут ли они победить? Фото на обложке из личного архива автора.

© Кукушкина И. А., 2010

© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Лариса	6
Марина	8
Лариса	17
Александр	20
Марина	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Жёнам моряков – подводников посвящается

Лариса

Два здания студенческого общежития стояли в тихом узком переулке. Их окружали высокие, давно не стриженные тополя, касаясь пыльными ветвями окон второго этажа и создавая прохладную тень, такую приятную в жаркий летний денёк. Вдоль серых фасадов протянулись неухоженные палисадники, огороженные низкими железными решётками. Мрачные, высокие общежития расположились друг против друга, одинаково неприветливые и унылые. В холлах, у самых дверей, размещались будки для вахтёров, в которых всегда виднелось строгое и любопытное лицо дежурной, бдительно проверяющей документы у всех входящих. Студенты постоянно сновали то туда, то обратно, и вахтёршам работы хватало.

В этот день у входа одного из зданий остановилась красивая светловолосая девушка, опустилась на землю небольшой саквояж, огляделась и присела на край ограды. Она смотрела отрешённым взглядом на проходящих мимо людей и размышляла о чём-то своём.

Звали её Лариса. Ещё год назад она сама училась в институте и с полным правом входила в общежитие, не обращая внимания на охрану. Теперь она работала в отдалённом городишке, куда попала по распределению, и была здесь нечастой гостьей. В комнате, где она жила, ещё обитали знакомые девчата, и она временами останавливалась у них на день или два. Принимали её всегда дружелюбно, и она знала, что и на этот раз для неё найдётся местечко. Правда, со времени её последнего визита прошло уже почти полгода. Всё могло измениться, как изменилась и сама Лариса.

Провинциальная учительница, незамужняя и на последнем месяце беременности. Да, она ждала ребёнка, а вернее не его самого, а возможности поскорее избавиться от ненужной ей обузы. Родители жили далеко и не слышали о беде дочери. Она давно к ним не ездила, а в письмах ничего не писала. Не писала она и подругам. Да и как про такое расскажешь. Мать-одиночка. Больно и стыдно. Ей хватало пересудов и в своём городишке, где никто ничего толком не знал, а любопытные лишь строили предположения о том, кто же отец. Она с трудом терпела их навязчивые вопросы, повторяя себе успокоительные слова:

– Вот рожу, избавлюсь от ребёнка, доработаю положенное по распределению время и уеду из этого проклятого места. Дальше городка сплетни не пойдут, а я снова буду свободна.

Перед самыми родами Лариса отправилась в областной центр, в общежитие, где собиралась остановиться у знакомых. Хорошо понимая, что расспросов ей здесь тоже не избежать, она всё же надеялась, что летняя сессия закончится, народу останется мало, а значит и любопытных будет немного. Да и дружеская поддержка ей не помешает. Но самое главное, только там она сможет осуществить задуманное. Опасное, коварное, необычное дело. Только в их старом студенческом общежитии.

Девушка тщательно обдумывала свой план и с нетерпением ждала этого дня. Учебный год закончился, она взяла отпуск, собрала вещи и отправилась в путь.

И вот, она у входа. Сидит, приводит в порядок мысли, в последний раз проговаривает про себя верные слова. Остаётся сделать всего несколько шагов до дверей и войти. Ей нужна была удача, и, похоже, на этот раз удача её не оставила.

* * *

Из здания вышли две студентки, и Лариса поднялась им навстречу.

– Кто дежурит на вахте? – спросила она, надеясь, что там окажется сговорчивая баба Нюра, которой всегда можно сунуть рублик и проскочить без документов.

– Сегодня – баба Нюра, – почти одновременно произнесли те и с интересом покосились на её живот уже хорошо заметный под широким платьем.

В ответ Лариса обрадованно кивнула, решительно подхватила саквояж и вошла в вестибюль. Из своей будочки у лестницы дежурная бросила на неё строгий, сверлящий взгляд поверх очков. Лариса протянула ей зажатый в руке железный рубль.

– Я здесь проездом к мужу. Надо остановиться. Всего на несколько дней. Есть дела, – коротко пояснила она, предупреждая ненужный ей вопрос.

Вахтёрша кивнула, быстро убрала деньги и, сообщив, что в комнате осталась одна Марина, а остальные студентки уехали на каникулы, снова принялась за своё вязание, проследив, однако, косым взглядом за поднимающейся навверх молодой женщиной.

Ларисе действительно везло, ведь именно Марина и была ей нужна. А точнее не сама Марина, а её паспорт – паспорт с записью о браке. Именно с таким документом она могла явиться в роддом, не вызывая осуждения. Да и внешне она с Маринкой немного похожа. А потом она вернёт ей паспорт и. ... Всё уладится. А теперь надо только, чтобы всё получилось так, как она задумала.

Тяжеловато и неспешно ступая, Лариса поднялась по лестнице на второй этаж и пошла по длинному коридору. К счастью, он был пуст, и ей не пришлось опять ловить на себе чужие любопытные взгляды.

Девушка вздохнула глубоко, прежде чем войти в комнату. Навстречу ей поднялась Марина, и Лариса вся сжалась и опустила глаза, скрывая недобрый взгляд и, испугавшись жгучей зависти, которая неожиданно поднялась в ней при виде счастливого и сияющего Маринино лица.

– Только бы мне повезло, – повторила она ещё раз мысленно, как заклинание.

Марина

Небольшая чистая комнатка была залита солнечным светом. Четыре кровати, шкаф у стены, посредине стол, между двумя большими окнами этажерка с книгами. Обычная студенческая комната. Марина сидела на кровати, рассеянно глядя по сторонам. Рядом на стуле высилась теперь уже ненужная стопка книг. Сессия закончена, в зачётке пятёрки, впереди лето, а главное, совсем скоро приедет Павел. Они поженились с полгода назад, отгуляв шумную, весёлую свадьбу, и насладились целой неделей от медового месяца. Потом Павла срочно отозвали в часть, и теперь ему предстояло догуливать свой отпуск летом с молодой любимой женой. Марина уже считала дни и решила даже не ездить домой, чтобы встретить мужа здесь и пожить с ним вдвоём в опустевшей комнате без родительской опеки.

Год назад Павел окончил военно-морское училище и теперь служил на далёком, таинственном Севере, куда Марине предстояло приехать вскоре после окончания института. Так они решили после свадьбы. Да и ехать-то пока было некуда. С жильём в гарнизоне было худо. Павел ютился то на квартирах друзей, то в старом, давно не отремонтированном, военном общежитии, переполненном такими же, как он, бездомными офицерами, и вечными обитателями подобных жилищ – тараканами и клопами. Временами Павлу приходилось жить на лодке, готовился к зачётам, ночами сидел над книгами и документами. Командир приветствовал такое рвение и давал разрешение молодому лейтенанту не уходить с корабля круглые сутки, за что тот даже получил шутовское прозвище «лодочный», (что-то вроде домового).

Вот и предстояло Марине продолжать учёбу и надеяться, что когда-нибудь всё изменится в лучшую сторону. А впереди был долгий семейный путь, полный радостных надежд. Шумная институтская жизнь, книги, экзамены – всё это не давало грустить в разлуке. Дни превращались в недели, недели – в месяцы и вот, наконец-то, скоро долгожданная встреча. Марина представила себе высокого стройного парня в чёрной офицерской форме, входящего в комнату. «Ах!», мысли побежали, закружились в голове, она зажмурилась... и услышала лёгкий стук в дверь.

Гость был совсем неожиданный, вернее, гостя.

– Лариска, ты! Сколько же ты не была у нас? Совсем пропала, – Марина запнулась на полуслове. – Ой, да ты же скоро мамой будешь! Ну вот, вышла замуж и никому ни слова. Ларисины глаза наполнились слезами, и какой-то неожиданно злой огонёк мелькнул в них.

– Нет, мне не повезло, как некоторым, отхватить себе мужа-офицера. Меня мой офицер в жёны не взял. И мне своим приобретением гордиться нечего, – проговорила она и Марина смутилась.

– Извини, Ларис, я же не знала. Ну, ты всё равно могла бы написать нам, всё же свои. Вдруг тебе помощь нужна?

– Да не нужна мне ваша помощь. Вот лучше пустите погостить несколько дней. Хочу сделать покупки малышу. Да и потом, когда он родится, будет не до гостей. Придётся сидеть безвылазно в своём глухом райцентре.

– Ой, конечно. Светкина кровать сейчас свободна. Она уже уехала. А с вахтёрами договоримся, не первый же раз. Ты давай устраивайся, а я на кухню, чайник поставлю.

Марина вылетела из комнаты, а Лариса принялась распаковывать свой нехитрый багаж.

* * *

Вечером в комнате собрались знакомые девчата. Они пили чай с карамельками и слушали грустный рассказ подруги о неверном ухажёре, испугавшемся женитьбы на провинциальной учительнице. Лариса давно уже придумала слезливую, но правдоподобную историю,

с горячей любовью, обещаниями, обманом, где изобразила себя невинной и несчастной жертвой, неопытной влюблённой девушкой, угодившей в сети прожжённого ловеласа. (Вот только откуда было взяться ловеласу в такой глуши?) Сюжет, в общем банальный, но девчонки доверчиво вздыхали, смахивали слезинки, ругали обманщика и, между делом, завидовали Марине.

– Ты уже замужем, тебе спокойно родить можно, у твоего ребёнка отец будет, заметила одна.

– Да, ещё какой отец! Красавец! Офицер! – подхватила другая.

На неё неодобрительно посмотрели и, чтобы сменить разговор одна из слушательниц обратилась к Ларисе:

– Слушай, а из школы за аморалку тебя не выставят?

– Да какая там аморалка! У человека – горе, а ты аморалка.

– Ничего, Ларка! Где наша не пропадала? Мир не без добрых людей. Всё у тебя будет хорошо, – заговорили все наперебой.

– Давайте-ка разбегаться. Поздно уже. Да и Ларисе теперь отдыхать надо больше. За двоих. А то у неё скоро такое веселье наступит, не до отдыха будет, скомандовала однокурсница Марины Тамара, и все быстро разошлись по своим комнатам.

* * *

Казалось, Лариса осталась довольна произведённым впечатлением. Получилось так складно, что даже сама прослезилась. Позже, устроившись на ночь на скрипучей железной кровати, она мысленно подвела итоги начатому ею грандиозному, невиданному представлению, которое собиралась разыграть в этой старой студенческой общаге. Все персонажи действовали по задуманному ею плану; всё устраивалось так, как ей хотелось, но самое опасное и захватывающее действие было ещё впереди, и потому она обдумывала и рассчитывала каждый свой шаг. И всё же страх перед будущим, злость и зависть к Марине до предела взвинчивали её нервы. Она с трудом удерживала себя от истерики, в которой могла бы проговориться, открыть свои планы, и тогда рухнуло бы только что заложенное и такое шаткое здание мести, выстраиваемое и лелеемое ею, в течение долгих зимних месяцев.

Устроилась Лариса быстро, привычно разложив свои нехитрые вещи в шкафу и, казалось, сразу заняла собою почти всю небольшую комнатку. Марине предстояло провести с нею несколько дней. Каникулы есть каникулы. Студенты разъезжались по домам. Общежитие пустело. Лишь в нескольких комнатах оставался кое-кто из тех, кто собирался поработать в летнем городском стройотряде, да Марина, ждавшая своего мужа.

Днём Лариса уходила бродить по городу, возвращалась к вечеру с покупками. Марину с собой не приглашала, держалась с ней отчуждённо и недружелюбно, часто раздражаясь и по любому поводу высказывая недовольство. Марина старалась не обижаться и не обращать внимания – у человека горе, но почему-то было досадно. С другими девушками Лариса общалась по-прежнему ровно, и только к ней её отношение изменилось.

– Наверное, это потому, что из всех подруг только я замужем, – говорила она себе и старалась пропускать мимо ушей очередную колкость раздражительной гостьи.

Дни, наполненные мелкими хлопотами, незаметно летели.

* * *

В это утро Марина проснулась от негромких стонов. Лариса лежала на кровати, держась за живот, временами вскрикивая от сильной боли. По её лицу струились не то слёзы, не то капли пота.

– Ты чего? Болит? Может дать таблетки? – спросила Марина обеспокоено.

– Не надо ничего. Ты только не уходи никуда.

– Хорошо. Не волнуйся. Я чайник сейчас поставлю. Завтракать будешь?

– Да не хочу я завтракать. Вот зуда. Ой, ёй, ёй, – стонала Лариса всё сильнее, – «Скорую» мне надо. Беги, вызывай. Ой, не могу больше.

Марина помчалась на вахту, позвонила в больницу и бегом вернулась к Ларисе. Она помогла ей собрать вещи, вывела её из общежития и усадила на скамейку под большим развесистым деревом. Приехала «скорая» и Ларису увезли так быстро, что Марина едва успела спросить в какую больницу.

* * *

Опустив в сетку несколько яблок и пачку печенья, Марина бросила на себя быстрый взгляд в зеркало, весело улыбнулась своему отражению и, тряхнув непоседливой светлой чёлкой, вышла из комнаты.

У неё было хорошее настроение. Всё было здорово. Совсем скоро приедет Павел. Это даже хорошо, что зимой его вызвали из отпуска раньше времени. Конечно, тогда это было очень грустно, и она проплакала целый вечер. Зато теперь лето. Муж приезжает догуливать прерванный отпуск, а у неё закончилась сессия, и начинаются длинные каникулы. Они впервые проведут лето вдвоём. Целое лето. Каким замечательным оно будет! Каким прекрасным! Марина была переполнена своим счастьем, и ей хотелось, чтобы все вокруг тоже были счастливы, даже эта бестолковая Лариска, которую она шла навещать в роддом.

Девушка почти летела по длинному общежитскому коридору, подпрыгивая на ходу и размахивая сеткой. Она даже не совсем поняла, на кого наскочила на очередном повороте.

От неожиданности Марина остановилась и подняла глаза. На неё смотрел высокий симпатичный парень. Она помнила, что изредка встречала его в общежитии, и каждый раз ловила на себе улыбочивый восхищённый взгляд, от которого ей становилось не по себе. Парень никогда не делал попыток познакомиться, он просто смотрел на неё и улыбался, как будто желал вызвать её смущение. Она на самом деле смущалась и старалась поскорее пройти мимо. Вот и теперь она густо покраснела и, невнятно пробормотав извинения, быстро побежала дальше. А парень долго, задумчиво смотрел ей вслед. Весёлая улыбка сбежала с его лица, когда он заметил, что у девушки на руке блестело обручальное кольцо.

* * *

В роддоме Марине объяснили, что роженицы с такой фамилией у них нет, и передачу не взяли, посоветовав узнать в другом месте. Она растерялась – неужели не расслышала правильный адрес – постояла немного под больничными окнами, пытаясь высмотреть в каком-нибудь из них Ларису, но, прождав напрасно, обеспокоенная, пошла назад в общежитие.

Несколько дней спустя Лариса возвратилась из роддома с туго запелёнатым, посапывающим малышом. Её никто не встречал. Добросердечные медсёстры вызвали для неё такси, а водитель помог донести до комнаты вещи. Лариса выглядела усталой и раздражённой. Она небрежно положила маленький свёрток на кровать, даже не распеленав его, и не проверив, всё ли в порядке. В движениях и взглядах, обращённых к ребёнку, сквозили равнодушие и безразличие.

– Ой, ты уже вернулась! – радостно заулыбалась ей Марина. – Я ходила навещать тебя, а мне сказали, что ты в каком-то другом месте. Я, наверно, в суете не поняла, куда тебя увезли. Ну, говори скорее, кто у тебя?

– Сын, – коротко обронила та.

В комнату постучалась соседка Тамара, и Лариса принялась оживлённо рассказывать ей о родах и своих больничных впечатлениях. Ребёнок забеспокоился, но Лариса лишь недовольно передёрнула плечами и проговорила, обращаясь к Марине:

– Я так устала, даже нет сил, к нему подойти. Ты бы посмотрела, чего он хочет.

Марина подошла к малышу и принялась осторожно разворачивать одеяльце. Никогда раньше ей не приходилось прикасаться к таким крошечным созданиям и её переполняли и страх и восторг и любопытство.

– Ой, да он же мокрый! – воскликнула она.

– Пелёнки в сумке, – ответила Лариса, даже не повернув головы.

С трудом Марина перепеленала малыша, но он не успокоился и начал совсем тихонько всхлипывать.

– Он, наверное, есть хочет? – заметила Тамара.

– Ладно, давай уж покормлю, – Лариса неохотно расстегнула блузку и взяла ребёнка.

* * *

Малыша устроили на одной из пустых кроватей, Лариса расположилась на другой. За шкафом натянули верёвку для просушки пелёнок, и Марине стало казаться, что Лариса обосновалась здесь надолго. Она постоянно совала ей сына, заметив однажды, что той больше подходит роль мамы, чем ей, Ларисе. А Марине малыш действительно понравился, и она охотно возилась с ним.

Уезжать Лариса не спешила. Она объяснила, что хочет побыть в городе ещё несколько дней. На улице жарко. Дорога дальняя. Мальчик ещё слишком мал для утомительного путешествия в пыльном автобусе. Марина согласилась с её доводами, охотно взялась им помогать, но всё же надеялась в глубине души на их скорый отъезд. Приближался день возвращения Павла, а ей так хотелось после полугодовой разлуки побыть с ним вдвоём.

В один из таких дней Лариса отправилась по магазинам. В этот раз она не возвращалась особенно долго. Марина волновалась. Ребёнок капризничал. Она едва успокоила проголодавшегося мальчика, когда беззаботная мамаша, наконец, появилась на пороге. Свою задержку она объяснила какими-то срочными делами. От неё слегка пахло вином, и она явно была чем-то довольна. Лариса выставила на стол упаковки с детским питанием и заявила:

– Всё, грудью кормить больше не буду.

– У тебя же столько молока, – запротестовала Марина, но Лариса отмахнулась и, даже не поинтересовавшись, как дела у сына, добавила, что завтра уезжает и просит только о последней услуге, побыть с малышом, пока она съездит на вокзал за билетом и отвезёт туда часть вещей.

– Ну, а потом проводишь нас и прощай на веки, – закончила она. Марина возразила, что родители Павла живут там же, где работает Лариса, и что, приехав навестить их, она непременно заглянет и к ней, но Лариса лишь покивала головой и криво улыбнулась, как будто не слишком верила подобным заверениям.

Легли спать. Марина едва дремала, откликаясь на каждый шорох малыша, и всё время неодобрительно смотрела в сторону Ларисиной постели. А та спала так, словно не её сын лежал рядом, и не было у неё никаких забот.

* * *

Утром, подхватив одну из сумок и предоставив Марине утреннюю кормёжку мальчика, Лариса умчалась на вокзал, пообещав вернуться часа через три. Она даже не взглянула в сторону сына, и Марина в очередной раз нахмурилась и покачала головой. У неё как-то беспокойно ныло сердце. Ребёнок проснулся, жалобно заплакал, призывая маму, но той, как все-

гда, рядом не оказалось. Марина грустно вздохнула и принялась менять пелёнки и кормить малыша.

Прошло три часа, и четыре, и пять. К вечеру стало ясно, что Лариса не вернётся. Заглянули соседки, предложили осмотреть оставленные вещи, и нашли лишь несколько чистых пелёнок, распашонок да чепчиков. Вещей Ларисы не было. Сначала все растерянно замолчали, озарённые неожиданной догадкой. Потом возмутились, забеспокоились, вместе обсуждали, что предпринять. Кто-то порывался звонить в милицию, кто-то предлагал не спешить. Сошлись на том, что надо подождать несколько дней, вдруг одумается и явится назад. Присматривать за ребёнком пока решили по очереди. Так малыш и остался на своей, уже привычной постели.

На другой день Марина получила телеграмму от Павла. Муж приезжал следующим утром. Она растерянно посмотрела на малыша.

– Завтра Павел приедет. А что же мне с ребёнком делать? Куда же я с ним? – заволновалась она.

– Да, не беспокойся ты. Посидим мы с парнем пару дней. Встречай своего ненаглядного. Как-нибудь справимся, – пообещали подружки.

Марина успокоилась, собрала детские вещи и утром отнесла мальчика соседкам.

* * *

Это были чудесные, просто сказочные дни. Потом Марина будет вспоминать о них с болью и тоской. Потом у неё уже никогда не будет таких дней. А сейчас они наслаждались своим счастьем, своей свободой и любовью. И неважно, что спать им приходилось на узкой железной кровати, что комната была темновата и холодна, что на кухне всегда толпился народ. Они уходили гулять по городу, загорали на пляже, сидели в кафе, держались за руки и говорили, говорили, говорили. Ах, с какой любовью смотрел на неё Павел, какой нежностью светился его взгляд. Никогда больше не увидит ей такого восхищённого взгляда, и тем больнее будет потом смотреть в его глаза, наполненные ненавистью и презрением.

Беда пришла неожиданно. Хотя и не совсем неожиданно. Ведь что-то чувствовала Марина в последние дни, что-то беспокоило её, тревожило, настораживало. Но разве могла она предполагать, какой удар нанесёт ей судьба? Да, в общем-то, и не судьба, а бывшая приятельница, жившая когда-то в одной с нею комнате.

* * *

В дверь постучала Тамара, сидевшая в эти дни с малышом.

– Марин, сегодня у нас много дел, возьми ребёнка.

– Какого ребёнка? – удивился Павел.

– Да, приезжала тут наша бывшая соседка по комнате, попросилась пожить несколько дней (она в положении была). Попала отсюда в роддом, а после выписки опять к нам пришла, пожила несколько дней, а потом оставила ребёнка и уехала. Уже неделя прошла, а она не возвращается. Мы решили пока подождать, вдруг одумается и вернётся. Вот и сидим с ребёнком по очереди – объяснила Марина, но её слова звучали почему-то неубедительно, и она смутилась.

– Вы что ненормальные? Совсем как дети. Давно надо было в милицию заявить. Уже нашли бы эту мамашу. А ребёнка забрали бы в органы опеки, – вскинулся Павел.

– Такого маленького и в детский дом? Жалко же, – проговорила Марина.

Муж подозрительно посмотрел на неё и нахмурился. Ему не понравилась идея нянчиться с чужим малышом, хотелось отправиться на речку, и он заворчал, что чувствительность здесь

неуместна, что ребёнка надо отдать, и вообще, всё это глупо. Но Тамара уже несла малыша и все его нехитрые вещички.

– Ладно, – сказала Марина – Сегодня ещё подождём, а завтра сдадим. Но при этом равнодушном слове ей сделалось грустно, и она заботливо взяла мальчика на руки. Павел совсем помрачнел, нашёл себе книгу и завалился на кровать, показывая всем видом свою обиду.

– Будешь так же и от своих детей отворачиваться? – попробовала пошутить Марина, но он не ответил.

* * *

Покормить, постирать, уложить спать, Марина не замечала времени. Она помчалась в туалетную комнату стирать пелёнки. Через час, закончив работу, она вернулась в комнату и увидела, как Павел закрывает и ставит на пол свой чемодан. Марина устало прислонилась к косяку с тазом в руках.

– Павел, что случилось? На тебе лица нет.

Глаза Павла полыхнули ненавистью и гневом.

– Подкидывай, чужой, сдадим. А, может, лучше себе оставим? Не рано ли ты меня в папаша записала?

– Что с тобой? Я не понимаю, – у Марины от обиды подкатил комок к горлу.

– Не понимаешь? Зато я всё понял, – и он сунул ей в лицо зелёную книжечку. Перед глазами расплылись имена, её и Павла. Почему-то они стояли в графе «родители».

– Что это? Откуда? – Марина впервые видела этот документ, и удивление её выглядело совсем не поддельным. Но Павел, словно отпустив тормоза, уже ничего не замечал и не слышал в своём гневном.

– А ты не знаешь! Нагуляла сыночка, а теперь хочешь его мне подсунуть? И когда только успела? На каком месяце замуж выходила?

Слова больно хлестали её, губы почему-то стали солёными. Никогда раньше он не бывал так груб, зол, беспощаден. Она хотела что-то возразить, объяснить, но голос пропал.

Дверь за Павлом захлопнулась. Марина опустила прямо на пол.

* * *

В себя она пришла только от плача проснувшегося малыша. Тенью подошла к ребёнку, сунула в рот пустышку и принялась менять пелёнки.

Вечером заглянули соседки, и пришли в ужас от застывшего на её лице отчаяния. Она не могла ни говорить, ни плакать. Кивнула молча в сторону зелёной книжицы, брошенной на столе. Девчонки прочитали свидетельство о рождении и всё поняли:

– Ну и стерва эта Лариска! Мало, что ребёнка бросила, да ещё на твоё имя записала. Надо же додуматься! Видно паспорт выкрала. Поэтому и в роддоме ты её не нашла. Она же с твоими документами была. Значит, она не вернётся. Это точно.

Возмущённые и растерянные, они пытались утешать Марину, обещая поговорить с её мужем, всё ему объяснить, помочь сдать ребёнка в приют, сожалели, что не сделали этого сразу. Марина долго молчала, переживая своё горе. Потом сказала:

– Видно, это судьба. Ребёнка я не отдам. Он ни в чём не виноват. Ну, а Павел? Что ж, раз не поверил мне, значит, не любит. И не отговаривайте меня. Я так решила, – что-то в её голосе было твёрдое и непреклонное. Отговаривать её не стали.

* * *

Трудности начались сразу. Пару дней спустя в общежитии появились родители Марины. Им позвонила мать Павла, выкрикивая в телефонную трубку ругательства и проклятия в её адрес. Родители приехали разбираться.

Удивлённая девушка никак не могла понять, что вдруг случилось с близкими ей людьми, всегда любившими её и, казалось, хорошо понимавшими. Как могли они подумать, что она, их дочь, может солгать или совершить что-то ужасное, постыдное, недоброе? Ну почему они тоже не верили в подкидыша?

Разговор был тяжёлым. Мать плакала, отец ругался, оскорблял. Он то спрашивал, то сам отвечал на свои вопросы, делал поспешные выводы, не слушая взволнованных объяснений дочери. Ребёнок, как убедительное свидетельство её вины, мирно спал на своей кровати.

В комнату заглянула Тамара, привлечённая шумом голосов. Она попыталась вступить за подругу, но услышала в ответ такую отповедь от Маринино отца, что совсем растерялась и лишь беспомощно смотрела на всё происходящее.

Мать сидела, прислонившись к столу, держала у глаз носовой платок и то всхлипывала, то повторяла надрывным голосом, как заведённая:

– Как ты могла? Как ты могла? Какой позор! Ах, какой позор!

Её лицо было искажено от неожиданного горя и, казалось, что ничего не волнует её сейчас кроме людской молвы.

Отец, напротив, метался по комнате, выплёскивая на Марину беспощадные обвинения, словно пытаясь одним махом разорвать все родственные нити с дочерью, откреститься от неё, заклеить позором, но главное – выказать ей своё презрение и заставить глубоко пожалеть о её поступке.

Мальчик проснулся. Марина бережно взяла его на руки, покачала. На родителей она смотрела широко раскрытыми от изумления глазами, уже не пытаясь ни защищаться, ни оправдываться. Она прижимала к себе испуганного ребёнка, и лишь быстрые слезинки катились по её щекам.

«Имеющий уши, да услышит!»

Отец и мать сегодня были глухи.

Наконец, заявив, что они не станут помогать ей, не дадут денег и, вообще, никогда не примут её с ребёнком, родители уехали.

* * *

Так, за короткий срок из Марининой жизни ушли все близкие и дорогие ей люди. Но на помощь пришли соседи по общежитию. Ничего. Студенческая братия с голоду умереть не даст и в беде не бросит.

Вскоре её вызвали к декану. Анатолий Сергеевич внимательно выслушал её рассказ, помолчал, потом, (совсем по-отцовски) встал, подошёл к ней, положил ей руки на плечи и поцеловал в лоб:

– Молодец, девочка. Тобой можно гордиться, – сказал он и, подумав ещё несколько мгновений, добавил: – Боюсь, что меня не поймут, но комнату в общежитии я тебе выделю, а вот с деньгами будет трудно. Кроме пособия для матери-одиночки ничего обещать не могу. Да и то только после твоего развода.

* * *

А развод ждать себя не заставил. У Павла так и не появилось желания ещё раз увидеть Марину, поговорить, спокойно объясниться. Ей просто пришло официальное уведомление. Она поставила в паспорте штамп о разводе (менять документ – не было ни времени, ни желания), да так и осталась вместе со своим неожиданным сыном жить под фамилией бывшего мужа.

* * *

Студенты – народ сообразительный. Марине помогли устроиться дворником, а сами по очереди ходили убирать улицы. С ребёнком тоже сидели попеременно, а в учебное время уговорили двух старушек-вахтёрш присматривать за мальчиком.

Всё наладилось. Пришла осень, начался новый семестр. Марина подыскала себе ещё подработку – мыла по вечерам полы на факультете. Никита, такое имя получил мальчик от своей матери, оказался спокойным и совсем не привередливым. Он, будто понимал, что криком помешает учиться своим нянькам и только тихонько агукал, лёжа на большой взрослой кровати, к которой были приставлены несколько старых, связанных вместе, стульев.

От всего пережитого Марина похудела, осунулась. Казалось, её большие серые глаза с пушистыми ресницами стали ещё огромнее, а тоненькая фигурка совсем хрупкой. Подруги удивлялись, как она всё успевает: учится так же хорошо, в комнате порядок, малыш ухожен, а для всех улыбка и доброе слово. Вот только взгляд у неё теперь всегда был грустным.

* * *

Однажды вечером у Марины в комнате, как всегда, сидели подружки, возились с малышом, болтали, шутили. Марине понадобилась книга, она встала и потянулась к полке. И тут одна из девушек ахнула:

– Марин, ты такая худая, а живот большой! У тебя всё в порядке?

Все смолкли и уставились на Марину.

– Да, сама стала замечать. Не знаю, что и подумать, – смутилась она.

– А что тут думать! Тебя не тошнит?

– Как ты себя чувствуешь?

– Да, тебе к врачу надо, – постановили девушки.

* * *

Её совсем не тошнило, и чувствовала она себя как обычно, но к врачу отправилась. А уже на следующий день, взволнованная, она опять сидела в своей комнате и рассказывала девочкам о своём походе в больницу:

– Она назвала меня наивной дурой, и долго ругала. Ребёнку уже почти пять месяцев, а я ещё на учёт не встала. – Марина грустно покачала головой, и вдруг, ошеломлённая неожиданной мыслью воскликнула, – Господи, значит, у меня будет ребёнок от Павла! Свой ребёнок. Какая я счастливая! – Она улыбалась сквозь слёзы.

– Какая ты несчастная! – всхлипывали подруги.

* * *

В конце марта родился Алёшка. Друзья забирали их из роддома весёлой толпой. Приехали на такси с цветами.

И с этим ребёнком Марине повезло. Если, конечно, здесь уместно слово «везение». Он был таким же спокойным, как Никита, не плакал по ночам, давая маме выспаться. А ещё был он таким же кареглазым и темноволосым, как названный брат. Марине казалось, что мальчишки похожи между собой. Да и не только ей приходили такие мысли. Многие находили в них удивительное сходство.

– Вот только на тебя они совсем не похожи, – говорили подруги.

– Если бы не знала, что у них разные отцы и матери, то решила бы, что они и правда братья, – смеялась в ответ Марина.

А старший Никита уже пробовал ходить и смешно лепетал:

– Ма-ма-ма.

* * *

Время то медленно тянулось, то незаметно бежало. Марина уставала, отдавая всю себя мальчишкам, часто забывая поесть или отдохнуть. Но учёбы не бросала, писала по ночам дипломную работу, учила билеты и за всеми своими заботами не заметила, как подошёл к концу последний пятый курс. Сданы экзамены. Торжественно вручены дипломы. Начиналось лето. Однокурсники обсуждали планы на будущее, упаковывали вещи, готовились к отъезду. Марине, как отличнице, предложили работу на факультете, оставили за ней место в общестии, и поэтому она одна никуда не собиралась, а только с грустью наблюдала за сборами своих друзей. Они разъезжались по разным городам и сёлам, не зная, доведётся ли свидеться снова. Лишь одна Тамара, принятая в аспирантуру, должна была вернуться после летних каникул.

Старшего Никиту удалось устроить в садик. Алёшка, пока Марина была на работе, проводил время то с вахтёршами, то с кем-нибудь из подруг. Вечные хлопоты о мальчишках и работа не оставляли ей времени для размышлений о будущем и она не замечала бегущих дней.

Лето было в разгаре. Стояли тёплые солнечные дни. У Марины на лице появился лёгкий загар, а грустные выразительные глаза притягивали к себе взгляды окружающих мужчин. Но погружённая в свои заботы она не замечала этих взглядов и ни на кого не обращала внимания.

Лариса

Свадьба гремела на всю округу. Уже разгорячённые гости шумели, смеялись, наперебой произносили тосты.

Жених был высок и красив, но ещё симпатичней выглядел свидетель, одетый в военную форму. Лариса посмотрела в его сторону. Молоденький кареглазый лейтенант весело подмигнул ей.

– Не знаешь, кто это? – спросила она у соседки по столу.

– Он из наших, из местных. Только не очень заглядывайся. У него невеста есть, – ответила та.

– Вот ещё! Я привыкла, чтобы на меня заглядывались, – парировала Лариса, но продолжала обмениваться взглядами с парнем, пока не начались танцы.

Танцевала Лариса хорошо. Знала, парни обращали внимание на её крепкое стройное тело. Она поднялась из-за стола, вышла в центр круга, покачивая бёдрами, задорно вскидывая подбородок и притопывая каблучками. Как будто само собой, лейтенант оказался рядом. В весёлой толчее они лихо прошились в задорной пляске, показывая сноровку и удаль, словно соревнуясь в умении танцевать. Лариса, словно ненароком, оказалась рядом со свидетелем, когда поменялась музыка, и лейтенант протянул ей руку, приглашая на медленный танец.

В течение вечера они много танцевали, почти не расставаясь, смеялись над шутками тамады, о чём-то весело болтали, и Ларисе казалось, что она сумела очаровать своего неожиданного кавалера. Она позволяла ему обнимать себя за талию и наливать вино. А к концу вечера, когда усталые, захмелевшие гости начали расходиться по домам, они вместе проводили жениха и невесту, а потом Павел (так звали лейтенанта) отправился провожать её, Ларису.

Они о чём-то шутили, спотыкаясь на ухабистой дороге, обсуждали гостей, молодожёнов, проклинали ночную темь, слякотную погоду и совсем продрогли, пока добрались до Ларисино дома. Девушка прижалась к Павлу, и он обхватил её за плечи. Так было теплее. Лейтенант зашёл за нею в подъезд, решив немного отогреться перед обратной дорогой, и Лариса, обрадованная тем, что парень медлит уходить, пригласила его к себе на чаёк. Оба были хорошо захмелевшие, но сумели незаметно пробраться в маленькую комнатку в коммуналке, где оказалось так тепло и уютно, что Павлу не захотелось сразу покидать гостеприимную хозяйку. Чай расслабил, согрел, и Лариса сама не помнила потом, как оказались они вместе на её постели.

Когда Лариса проснулась, Павла уже не было. Не было никакой записки и никакого иного напоминания о нём, кроме двух невымытых чайных чашек на столе. В голове тяжело гудело, хотелось снова упасть на подушку и продолжить прерванный сон, но в душе появилось смутное беспокойство, и заснуть она уже не смогла. Перед глазами замелькали события бурной ночи, и Лариса поднялась с кровати. Она помнила, что Павел должен был уезжать на дневном поезде, и, наспех одевшись, подкрасившись и слегка перекусив, бросилась на вокзал.

– «Как же так? – думала она, – надо же взять адрес, договориться о встрече. Не может же он теперь так просто уехать».

Девушка увидела его на перроне. Рядом с ним стояли высокий мужчина и моложавая женщина.

– «Родители, наверное. Как же мне заговорить с ним?» – соображала Лариса. Решила подойти с той стороны, куда смотрел Павел и стать у него на виду. Заметит и подойдёт сам. Так она и сделала. Наконец Павел посмотрел на неё, и она радостно улыбнулась. Но он равнодушно скользнул по ней взглядом и отвернулся, явно не желая узнавать. Лариса покрутилась ещё немного, но, поняв, что ничего не выйдет, и, что парень не хочет с ней говорить, раздосадованная отправилась домой, изобразив на лице полнейшее безразличие.

– Вот ещё, буду о нём думать. Не он первый, не он последний, – сказала она себе.

Но думать пришлось. Через пару месяцев у неё появились смутные подозрения. Обращаться в местную поликлинику она не захотела, сразу поползут слухи. Городишко-то маленький. А она всё же в школе работает, не замужем, молодая учительница, только после института. Поэтому Лариса решила подождать зимних каникул и съездить в областной центр, к своим бывшим соседкам по общежитию.

– Поживу у них, заодно сделаю аборт, – решила она и отправилась в путь сразу после Нового года.

Но в городе её ждали сразу два удара. Первый ей нанесли в больнице, где сообщили, что срок уже слишком большой и сделать ничего нельзя. А второй она получила от своей бывшей соседки по комнате, хорошенькой третьекурсницы Маринки. Та, счастливо улыбаясь, рассказывала подругам о своей недавней свадьбе, о молодом муже и показывала свадебные фотографии.

– Вот на этой фотографии мы по лестнице поднимаемся в зал. А здесь мы надеваем кольца. А эта не очень удачная – нас совсем заслонили. Это Павел свою роспись ставит. Здесь мы танцуем...

– Маринка, ты такая красивая! А какое платье! – восторгались девчонки.

– А как твоему мужу форма идёт!

– И смотрите вы вместе замечательно. Ты такая хрупкая блондиночка, а он высокий, плечи широченные и красивый...

– Люблю брюнетов! Жаль, не мне достался!

– Счастливая ты, Маринка!

Чтобы отвлечься от чёрных мыслей о нежеланном ребёнке и заинтересованная общим разговором, Лариса тоже потянулась к фотографиям и обмерла. Со снимка на неё взглянул тот самый Павел, чьего ребёнка она носила и от которого, как выяснилось, ей уже не избавиться.

– Ничего, избавлюсь, – решила она, – придёт срок, вы у меня поплатитесь оба, – Она искоса со злобой взглянула на Маринку, – Придёт срок!

* * *

Больше она не приезжала в общежитие до самого лета. Ещё пару месяцев жизнь её была по-прежнему спокойной, но живот подрос, одежда перестала его скрывать, и начались разговоры. Ей пришлось сочинить историю о женихе, который находится далеко и из-за его службы они не успевают сыграть свадьбу. Он, якобы, сам переживает, что она оказалась одна в трудном положении, но летом они обязательно поженятся.

Кто-то ей верил, кто-то нет. Одни осуждали, другие сочувствовали. Дети в школе шушукались за её спиной. Учителя многозначительно переглядывались. Ей пришлось терпеть. От тоски её спасали лишь мысли о предстоящей мести, и она с наслаждением размышляла о том, что и как сделает, когда подойдёт время. Благодаря своему не очень большому животу Лариса скрывала настоящие сроки беременности и, когда она была уже на девятом месяце, все думали, что у неё всего лишь седьмой.

В начале лета она взяла отпуск и заявила, что уезжает к родителям играть свадьбу, там же встанет на учёт в больнице, и будет рожать. Отправилась же она в институтское общежитие, к Марине, которой и собиралась подбросить ребёнка.

Ей неожиданно повезло, всё прошло гладко и складно, как будто сам дьявол помогал. Она сумела провести доверчивую, гостеприимную Марину, выкрала её документы и положила их назад, успев записать своего сына на её имя. А потом, подбросив малыша его собственному отцу, уехала догуливать летний отпуск. Сначала погостила в родном городке у родителей, а потом махнула к Чёрному морю снимать нервное напряжение и восстанавливать силы. О ребёнке она не думала.

Да, всё было так, как она спланировала. Одно только вышло не по её, Ларисиному желанию. Павел оказался слишком большим эгоистом и бросил любимую жену так же спешно и бесповоротно, как когда-то и свою случайную знакомую. Так и не пришлось их сыну жить с настоящим отцом. Да, только не было горе-матери до этого никакого дела. Ненавидела она и самого ребёнка, и его отца. Ей слишком хотелось вновь быть свободной и начать охоту за очередным претендентом в женихи.

– Но уж теперь я буду осторожнее, – решила она.

Осенью, вернувшись в школу, Лариса рассказала слезливую историю о том, как упала с вагонной полки и потеряла своего ещё не рождённого ребёнка, как болела всё лето, как бросил её жених, сколько горя довелось ей перенести.

Страдалица так красочно расписывала свои беды, что знакомые верили, сочувствовали, жалели её. Никому и в голову не приходило, что вся история была выдумана и, на самом деле, Ларису стоило бы осуждать, а не сочувствовать ей. Но на её счастье их городишко находился на окраине большой области, и слухи о Ларисиных похождениях в институте сюда не дошли.

Скоро все забыли про её беременность, и жизнь покатилась по-прежнему монотонно и размеренно. Школьные уроки. Бесконечные тетради. Длинные, скучные, одинокие вечера. Редкие, однообразные развлечения. Дни казались серыми и унылыми. Ещё год она проработала в этом городке, затем сумела перебраться в другой, побольше и поближе к своим родителям. Там и вовсе никто не знал её историю. Лариса успокоилась. Из памяти стало понемногу стираться всё, что с нею произошло.

Александр

Она опять на кого-то налетела на этом несносном углу. Марина очнулась от своей задумчивости, испуганно подняла глаза. На неё удивлённо смотрел, симпатичный блондин. Тот самый, который когда-то смущал её своим пристальным взглядом.

– Давненько я его здесь не видела, – подумалось ей.

Парень не спешил уступать ей дорогу. Сначала он внимательно рассматривал Марину, а затем перевёл взгляд на её руки. Девушке почудилось, что в его глазах мелькнул радостный огонёк.

Рассердившись на себя за своё смущение, она убрала руки за спину, плотно сжала зубы и, задрвав подбородок, обошла его и быстро зашагала по коридору. А парень всё стоял и завороженно смотрел ей вслед, совсем как раньше.

Комната находилась в самом конце длинного коридора. Марина шагала, чувствуя спиной его взгляд. Взгляд обволакивал, волновал, давил на плечи. Ей стоило больших усилий не опустить их, не сжаться. Она шла, как в строю, вытягивая носок, поднимая вверх подбородок и стараясь не побежать. Вот и спасительная дверь. Она вошла в комнату, на миг прислонилась к двери спиной, крепко зажмурилась. Затем вздохнула глубоко и шагнула навстречу своим дорогим мальчишкам. К ней потянулись две пары маленьких ручек, зазвенели радостные детские голоса.

Стараясь не думать о случайной встрече, Марина занялась детьми. Скоро ей удалось успокоить неожиданно часто застучавшее сердце. Мальчишки отвлекли её, и она перестала беспокоиться. Да и останется ли время на какие-то посторонние мысли, если у тебя столько дел и хлопот, и, если в твоём внимании постоянно нуждаются два таких славных крепыша.

* * *

У Александра в общежитии жила младшая сестра. Он изредка навещал её, бывая в городе проездом из Питера, где он учился в Военно-морском училище. Ему нравилось бывать у сестрёнки. С нею в комнате жили приветливые, весёлые однокурсницы, которые всегда с радостью встречали высокого симпатичного курсанта; смеялись, кокетничали, и он чувствовал себя здесь желанным гостем.

Однажды в общежитском коридоре он столкнулся с красивой сероглазой девушкой с пушистой копной волос и длиннющими ресницами. А какие у неё были глаза! У него даже дыхание перехватило. Так и смотрел ей вслед, пока она не скрылась за одной из дверей. Александр видел её ещё несколько раз, и каждая встреча оставалась в памяти и заставляла учащённо стучать сердце. Он спрашивал о незнакомке сестру, но та не знала её, а он всё ломал голову, как бы познакомиться. В городе Александр бывал редко, случая всё не предоставлялось.

Но однажды, он в очередной раз столкнулся с ней в коридоре и увидел на её руке сияющее обручальное кольцо. Он смутно помнил, как вернулся в комнату сестры, схватил свой потрёпанный курсантский чемоданчик и бросился на вокзал; как долго бродил по перрону, курил одну сигарету за другой, ничего не замечая вокруг. Перед глазами плыла её рука с обручальным кольцом.

К сестре он не заезжал два года. Та обижалась, не понимая, что произошло, а он молчал. Разве объяснишь, что влюбился в девушку, которую видел всего несколько раз и даже имени её не знал.

* * *

В этот раз Александр ехал в свой долгожданный, уже офицерский отпуск и родители просили его навестить сестру. Прошло время, боль притупилась, но осталась в душе лёгкая грусть, а в памяти иногда возникали её удивительные серые глаза. И вот он снова шёл по знакомому коридору с множеством поворотов и ловил себя на мысли, что ждёт – вот-вот появится она. Наверное, это было чудо или сама судьба так с ним играла, но девушка и правда опять столкнулась с ним на углу. Те же огромные глаза снова пронзили его испуганным взглядом. А он поспешно посмотрел на её руки. Неужели ему показалось? Он не мог поверить себе. Кольца не было. Александр застыл в растерянности, глядя на её удаляющуюся хрупкую фигурку. Он запомнил номер на двери, за которой она исчезла.

* * *

Старательно скрывая волнение и пытаясь не выдать своего интереса к незнакомой девушке, Александр рассказывал в комнате сестры, как в коридоре его чуть не сбила с ног сероглазая красавица. Рассказывал с умыслом, описывая её подробно, вдруг кто-то из девчонок её знает, вдруг, сообщат про неё хоть что-то. На этот раз ему повезло. Они действительно её знали. Знали столько, что впору роман писать.

Сидя у стола, парень ошеломлённо слушал неправдоподобную историю с подкидышем, разводом, рождением второго ребёнка. Девчонки увлечённо рассказывали о Марине, перебивая друг дружку и добавляя всё новые подробности. Эту историю в общепитии знал каждый. Многие сочувствовали девушке и старались помочь.

Девчата увлеклись интересной темой, а Александр слушал молча, не пропуская ни единого слова. Лишь глаза выдавали бушевавшие в его душе чувства боли, гнева и восхищения.

– Всё, хватит, девчата. Вы мне такой роман поведали – голова кругом. Пора перекурить, – он поднялся и вышел в коридор. Достал сигарету, покрутил в руке, потоптался на месте и сунул её обратно в пачку. Ноги сами понесли его к дальней комнате. То ли стучало в висках, то ли это он сам стучал в дверь. Звонкий голос пригласил:

– Войдите.

Словно в тумане он шагнул через порог. В глаза бросились двое малышей: один на взрослой кровати, огороженной стульями, другой, постарше, смешно пыхтящий у стола. И она рядом с игрушкой в руке. Он встретился с удивлённым, вопросительным взглядом и услышал чей-то знакомый голос, кажется свой собственный:

– Марина, выходите за меня замуж!..

* * *

Отстояв вахту, Александр возвращался со службы домой. Он вошёл в подъезд, подошёл к своей квартире и увидел торчащий в двери сложенный листок:

– Зайдите на почту за телеграммой.

Он развернулся и почти бегом бросился к выходу. Успел до закрытия почты, получил бланк, развернул его дрожащими руками:

– Встречай 9-го, рейс №..., Марина.

Губы растянулись в радостной улыбке. Домой он не пошёл. Помчался к старпому отпрашиваться.

Ночью от волнения не спалось. Вскочил раньше будильника. На автобусной остановке был первым. Дорогой до Мурманска думал только о жене. Вспоминал тот единственный сумасшедший месяц, проведённый вместе. Представлял удивлённые лица знакомых, узнавших о его поспешной женитьбе. Он и сам до сих пор не мог поверить, что всё это – правда, что это, действительно, было, что теперь он женат, да не просто женат, но и усыновил двоих детей.

Когда Александр рассказал о своём выборе родителям, те не ругались и не очень отговаривали, деликатничали, но было видно, что расстроены и переживают. Не такой жены хотели для своего сына. Хотя Марина им, вроде, по душе пришлась, но её «хвост» не радовал, ох, как не радовал.

Общежитская братия свадьбу тоже восприняла неоднозначно. С одной стороны радовались за подругу, восхищались его поступком, а с другой шушукались за спиной о том, что у парня совсем крыша съехала.

В экипаже ребята со своей колокольни рассуждали:

– Конечно, в базе баб мало, поехал мужик в отпуск и подцепил с голодухи первую попавшуюся.

А на его слова: «Она же удивительная!» – заметили философски:

– Ничего, пройдёт.

Но он-то знал – не пройдёт. Помнил, какое чувство охватывало его каждый раз, когда видел Марину и слышал её голос. Даже мальчишек её принял сразу. Почувствовал, что она с ними единое целое и как-то само собой вышло, что они потянулись к нему и сразу признали. А старший Никита, которому едва стукнуло два года, в первый же вечер назвал его папой. Александр увидел слёзы на пушистых Марининых ресницах, протянул к ней руки, прижал к себе и поцеловал прямо в солёные горошины. Потом она призналась ему, что и сама не понимает, почему вдруг сказала «да», а, сказав, вспомнила, что надо бы и имя у парня спросить.

Так и вышло: сначала решили пожениться, а потом уже и познакомились, как следует.

* * *

Свадьбу играли в общежитии. Съездили на несколько дней к его родителям. Познакомиться. К её родным не поехали. После бурного разговора в общежитии они с дочерью больше не общались. Он помнил боль на лице Марины, когда она рассказывала о том, как восприняли отец с матерью появление Никиты.

Через неделю молодожёны вернулись в её комнатку догуливать свой необычный медовый месяц вместе с двумя очаровательными карапузами.

Отпуск закончился неожиданно быстро. По возвращении в часть, он забегал с рапортами на жильё, с документами на въезд. С квартирой ему повезло. Случайно выплыла бывшая двухкомнатная коммуналка в самом нижнем доме под горой, затараканенная и захламленная. Видно, потому и досталась она старшему лейтенанту, что дом считался в городе одним из самых плохих, а в снежные зимы нельзя было к нему ни подъехать, ни подойти. Но он был рад и этой квартире, другую, может, пришлось бы ждать не один год. А как привезёшь семью без жилья? Жить же в разлуке было для него невыносимо.

По ночам он делал ремонт. Спешил. Всё представлял, как введёт Марину в комнату, как обрадуется она, увидев две детские кровати. Настоящие кровати. Таких у мальчишек ещё не было.

* * *

И вот, долгожданная телеграмма. Уползла бесконечно долгая бессонная ночь. Он сидит в автобусе, смотрит в окно и ждёт, ждёт, когда замелькают огни города на другом берегу залива, когда автобус переползёт, наконец, по узкому мосту и простучит по горбатуму переезду.

День выдался ясный и тихий, за окном мелькали сопки, расцвеченные яркими осенними красками, уже холодное и негреющее солнце подчёркивало голубизну неба и многочисленных озёр разбросанных вдоль всей дороги. На каменистых обочинах можно было разглядеть последние ягоды брусники и шикши, а ночной морозец блестел лёгкой изморозью на уже угасающей траве. Но Александр, погружённый в свои мысли, не замечал чарующей красоты осени и лишь радовался хорошей погоде, да тому, что рейс самолёта не будет задержан.

Через стекло аэровокзала он увидел, как самолёт коснулся земли и покатил по бетонной дорожке. Желтый автобус двинулся навстречу лайнеру. Александр бросился к выходу, куда уже через несколько минут подвезут пассажиров. Пробрался через толпу встречающих. Сердце колотилось так, что казалось, на его стук должны оборачиваться стоящие рядом люди. Наконец автобус вернулся, двери открылись, раздались радостные голоса встречающих.

Сначала он встретился со знакомым взглядом. Потом уже разглядел и всю её, с младшим сынишкой на руках и вторым, смешно ковыляющим, и едва держащимся за мамину руку.

Марина

В Мариной жизни произошли события, странные и необычные, в которые трудно было поверить.

Сначала, ей подбросили чужого ребёнка. Мало того, записали мальчика на её имя. Разве могла она подумать, что такое возможно и случится именно с ней.

Потом любимый и, казалось, страстно любивший её муж, вдруг слепо поверил в её измену. Да, разве может женщина выносить и родить ребёнка всего за пять месяцев после свадьбы? Какая нелепость! А ведь он знал, что был у неё первым мужчиной. Всё знал и всё же поверил и бросил. Словно помутился у него разум, словно лишился он способности думать и понимать.

А их сын, о котором бывший муж даже не подозревал, оказался вдруг таким похожим на названного брата. Оба мальчика подрастая, всё больше удивляли её и окружающих своим неправдоподобным сходством.

Совсем юной девушке довелось преодолевать и обиду, и разочарование, и отречение близких людей. Весёлая, беззаботная жизнь неожиданно закончилась. На её плечи легла ответственность за других, за маленьких беззащитных мальчишек.

Но, вопреки всем трудностям, она не пропала, не бросила институт, сумела доучиться и получить краснокожий диплом. Такого тоже не должно было случиться, ведь не оказалось рядом ни одной родной души. И любящие родители не должны были отворачиваться от неё, а вот ведь отвернулись, не выслушав, не поверив.

Одни только полунищие студенты сумели поддержать её с малышами и не бросили в беде.

А её новый удивительный роман! Разве бывает так, что незнакомый парень, видевший девушку лишь несколько раз, влюбляется в неё, предлагает руку, сердце и становится отцом для совсем чужих детей?

Да, разве может сердце, обиженное, уставшее, сжавшееся от боли и уж почти не живое, вдруг пробудиться, запеть и заликовать?

Нет, с одним человеком не может случиться так много непостижимых событий. Но всё это было в её, Мариной судьбе. Как в сказке со счастливым концом. А теперь у неё была другая сказка, другая жизнь. Жизнь офицерской жены, жены подводника. И на этот загадочный далёкий север она всё же попала. Только привёз её сюда другой человек, человек, которому она сразу поверила, и с которым готова была идти хоть на край света.

* * *

Посёлок, в который привёз её Александр, оказался небольшим военным городком, примыкающим к морской базе, каких много разбросано в укромных уголках Кольского полуострова. Выглядел он так же, как и другие подобные городки. Белые типовые пятиэтажки (построенные, как говорили по Ташкентскому проекту, чтобы отражали солнечные лучи, словно, здесь, в холодном заполярном местечке, солнце было таким же палящим и жарким, как в далёком южном городе) располагались обычно либо вокруг крупной сопки, либо прятались в небольших долинах, окружённых заросшими небогатой растительностью склонами. Часто в них встречались живописные озёра с ледяной прозрачной водой и каменистым дном. Десятки таких озёр и говорливых шустрых ручейков были разбросаны в окрестностях.

Военные городки, как правило, были очень похожи между собой. В самом центре обязательно располагался Дом офицеров с большим крыльцом и стеклянным фасадом, одна – две школы, бассейн, кафе-ресторан с каким-нибудь экзотическим названием, типа «Ягельное», да

несколько магазинов. Городки строились по единым проектам и были одинаково безликими. Больницы, библиотеки, детские сады обычно размещались на первых этажах жилых домов.

Дома причудливо вырастали то у подножия, то на небольших площадках где-нибудь в центре склона, то на самых вершушках сопок. То тут, то там виднелись деревянные лестницы, на чьих обледенелых ступеньках кто только не падал в зимнюю пору. Пологие склоны сопок были испещрены бесчисленными извилистыми тропками. Моряки пытались озеленять свои городки, но капризная торфяная почва, израненная строительным рвением людей, плохо принимала молодые насаждения и лишь немногие из них приживались. Но даже хилые рябинки и осинки, да свежая трава радовали в июне молодой долгожданной зеленью, а мрачные серые скалы уже не казались такими угрюмыми и гнетущими.

* * *

В одном из таких городков и предстояло Марине строить новую жизнь.

Она подошла к окну и откинула штору. Взгляд уперся в белую сопку. Так странно выстроен дом. Под самым склоном. В нескольких метрах от стены каменная круча. Только на уровне пятого этажа, можно разглядеть кусочек дороги, проходящей по верху сопки. Их квартира на первом этаже, поэтому на улицу они смотрели, как из подвала. А вот из кухонного окна вид совсем другой. Слева крутая сопка с узкой деревянной лестницей, ведущей на соседнюю улочку, а прямо раскинулась болотистая равнина, изрезанная тропинками, убегающими к дальней каменной гряде сопок.

В ветреную погоду, а ветры здесь дуют триста дней в году, между домом и сопкой воеет как в трубу. А как часто летят сверху, проплывая над их домом и оседая где-то на болоте, разные вещи, сдуваемые с балконов стоящих на сопке домов. Однажды Марина долго наблюдала за раздутым пододеяльником, похожим на ковёр-самолёт. Он так и не прекратил полёта, пока не скрылся из глаз, на горе какой-то незадачливой хозяйке, догадавшейся посушить бельё на балконе.

Через замёрзшее стекло Марина пыталась разглядеть, ходит ли кто по дороге, ведущей от их дома в посёлок. Зима была снежная, спуск к их дому чистили редко, выбираться наверх приходилось по крутой обледенелой лестнице. С двумя малышами одолеть её было трудно. Но выходить необходимо. С утра она заняла очередь за молоком в ближайшем магазине со смешным названием «Двойка». Подходило время, и она спешила. Дорога, конечно, оказалась замечена основательно. Значит, опять придётся оставлять мальчишек дома одних. С ними и с молоком лестница казалась неприступной.

Поглядывая на часы, Марина попыталась уложить сыновей спать, но Алёшка вдруг раскапризничался и она, чтобы не разбудить задремавшего уже Никиту, решила взять его с собой. Она спешно одела малыша и, оставив дома санки, стала карабкаться вместе с сыном по скользкой лестнице. Приходилось торопиться, и Марина взяла мальчика на руки. Тяжело дыша от быстрой ходьбы, она вошла в магазин.

Народ внутри гудел и, как всегда, волновался. Марина заметила, что очередь её вот-вот пройдёт, а пробраться сквозь такую толпу с ребёнком она не сможет, и потому быстро посадила Алёшку на низкий подоконник и стала протискиваться к прилавку.

Отойдя, наконец, от прилавка с полным бидончиком и посмотрев в сторону окна, Марина обомлела. Алёшка исчез. Она попыталась разглядеть его среди шумящих женщин, но в магазине мальчика явно не было. Встревоженная, не зная, что делать, она ринулась на улицу, остановилась у дверей, взглянула на дорогу и чуть не закричала от ужаса.

Малыш каким-то чудом сполз с большого крыльца, перелез через высокий сугроб на обочине и оказался на проезжей части. Он заскользил, упал и стал неуклюже подниматься на ноги. А в это время к нему, медленно продвигаясь по плохо расчищенной дороге, приближа-

лись «Жигули». Марина видела, что не успевает к ребёнку, а водитель не может остановить машину. Она выпустила из рук этот проклятый бидончик с молоком и бросилась с крыльца. Что-то чёрное мелькнуло перед её глазами, и рядом с малышом оказался молодой офицер. Он быстро оттолкнул мальчика в сугроб, но сам уже не успевал за ним. Подкатившие «Жигули» вскользь задели его, и он упал.

К счастью, водителю удалось слегка отвернуть, и удар оказался не сильным. Марина схватила сына, прижала к себе, целуя, плача, и благодаря сквозь слёзы его спасителя. Вокруг поднялся шум, её ругали за безалаберность, на снегу валялся пустой бидон, но ей было уже всё равно – главное, Алёшка был жив. Всё обошлось. Все остались целы. Какая-то сердобольная женщина подняла бидон, заглянула в него, покачала головой, словно о чём-то размышляя, потом плеснула в него немного молока из своего бидончика и протянула его Марине.

* * *

Этот случай ещё долго заставлял её вздрагивать и, выходя на улицу, она всегда крепко держала мальчишек за руки, боясь даже на миг отпустить их от себя.

Походы за молоком были для Марины мучительно трудны. Привозили его мало, разбирали в считанные минуты. Чуть замешкаешься и боевитые мамы, поднаторевшие в очередях, ни за что тебя не пропустят. Останутся мальчишки без молока. Детей в городке много. В каждой семье есть ребёнок, а то и двое-трое. А детям без молока не обойтись.

Городок военный. Для гражданского населения работы почти нет. Большинство женщин сидят дома и воспитывают детей. Вот и ей, Марине, с её красным дипломом и прекрасным знанием английского языка, места в школе не нашлось. Да и куда бы она дела мальчишек? В единственный садик очередь на несколько лет вперёд. Дети вырасти успеют. Частным нянечкам заплатишь больше, чем заработаешь. Вот и приходилось ей осваивать профессию домохозяйки, крутиться между магазинами и домом.

Видно, из-за такого количества неработающих женщин в магазинах всегда толпы народа. Хотя здесь и продукты неплохие, по сравнению с Большой землёй, и товаров разных много, но ничего не купишь, не постояв в очередях. И в каждой очереди слушаешься разговоров о детских болезнях, о том, что и где вчера «выбросили», что ожидается завтра и, конечно, о приходящих и уходящих лодках, об автономках, торпедоловах, вахтах, боевых дежурствах, встречах и расставаниях. В них можно узнать все городские новости: прогноз погоды, что и кому распределила флотская жилищно-бытовая комиссия и какие продукты выдавали в пайке.

Вся жизнь городка по будням сосредотачивалась вокруг магазинов, как в большие праздники вокруг Дома офицеров. А по вечерам улицы становились чёрными от шинелей возвращавшихся со службы мужчин. Автобусы подвозили их из части, высаживали на площади, и они растекались чёрными ручейками в разные концы городка. Днём же улицы были отданы женщинам и детям. Повсюду виднелись коляски, бегали малыши. Мамаши выводили их на прогулку. Слышался детский смех и женские голоса. Незнакомый человек, попав сюда в рабочий день, удивился бы такому обилию женского населения и почти полному отсутствию мужчин.

* * *

Со службы Александр возвращался поздно, часам к десяти, утром уходил в семь, часто стоял вахты, заступал в патрули. Даже по воскресеньям дома бывал не всегда. В общем, всё как у всех. Даже познакомиться её с жёнами других офицеров ему долго не удавалось. Так и крутилась Марина почти всё время одна. Бывало, что, кроме мальчишек, и словом перемолвиться было не с кем. После шумного общежития она с трудом переносила это одиночество. Но вскоре у неё тоже появилась приятельница. Соседка.

Познакомила их с Мариной беда. Купила в магазине колбасу, Никита её попробовал, а та оказалась несвежей, и мальчик отравился. Марина не знала, что и делать. Никите совсем плохо, надо в больницу, а Алёшку одного не оставить. От отчаяния и позвонила она в соседнюю квартиру. Соседка оказалась очень расторопной, объяснила Марине, куда ей с ребёнком бежать, а Алёшку забрала к себе. Александр, как назло, в эти дни ушёл в море.

Уже позже усвоила Марина эту странную закономерность – все неприятности, поломки и болезни случались всегда именно в отсутствие мужа. Уже позже научилась она самостоятельно справляться со всеми проблемами. И не раз ещё приходилось ей обращаться за помощью к знакомым и незнакомым людям и самой спешить на помощь другим.

С Никитой на руках, по сугробам, выбралась Марина на сопку и побежала в маленькую больничку. Там мальчика уложили на высокий топчан, поставили капельницу, а ей сказали встать рядом и поддерживать ему руку, чтобы иголка не выпала. Так и простояла она, не отходя от малыша, почти пять часов, переминаясь на затёкших ногах. После капельницы Никите сделали укол, сбили температуру и отправили их домой в первом часу ночи. Марина попросила, было оставить его в больнице: дом-то под горой, телефонов там нет, «скорую», если что, не вызвать, но ей равнодушно заметили, что мест нет и возиться с её ребёнком здесь некому.

Да, за эти пять часов Марина многого насмотрелась. Три крошечные палаты без дверей. Маленькие кровати, матери рядом с детьми спят на стульях, а в холле, который одновременно служил и приёмной и столовой, на единственной кушетке сидела женщина с задыхающейся девочкой на руках и умоляла врача отправить её в Мурманск или хоть как-то помочь её ребёнку. На все просьбы ответ был один:

– Поздно, дорога в заносах, можем застрять, а, если ребёнку хуже станет, кто же ночью на заснеженной трассе поможет? Надо ждать утра. Тогда поедем.

– Везите, – умоляла женщина – ребёнок до утра может не дожить. Вы же видите, как ей плохо. Или здесь сделайте операцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.